

ИЗРАЗЕЦ

Свой малый мирок принимаешь в детстве за образец:
Море, изба, прохудившееся корыто, —
Словно на печке старинной — лепной изразец:
Картинка полузабытого быта.

Что выдавливать воспоминания, как густую пасту?
Разве кроме тебя кому-то не всё равно,
Какого цвета были твои салазки
Или сколько стоил картонный билет в кино?

Как сквозь Люка Скайвокера, сквозь меня протекала сила,
И вздрагивал гипсовый лев подо мной, — живой богатырский конь,
И дерево-вишня в полуденном солнце искрила,
Как бенгальский огонь.

Бесконечной была дорога от Аркадии до Отрады,
И море — не голубым, а всех оттенков огня,
И даже фыркающие известкой облупленные фасады
На Пушкинской, — были частью меня.

Тускнеет сюжет, почти до конца рассказан.
Мутнеет хрусталик, — не увидеть цвета, какими их видят дети,
Радугой вспыхивают воспоминаний стразы,
А мир — бесцветен.

ГАММА

На месте, где гуляли пышные
Эквирии да сатурналии,
Теперь собор играет мышцами, —
С него как будто кожу сняли.

Монах привычным жестом крестится,
На солнце выходя из храма,
Чернеет клавишей на лестнице,
Семиступенной, словно гамма.

Вдали блестит реки излучина
Изогнутою веткой пальмы.
И колокольный звон задумчиво
Всплывает, словно карп зеркальный.

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

Кочевник степей арахисовых,
Свирельщик и камнелов,
Дома от тебя шарахались,
Дрожали поджилки рвов,

Когда пролетал ты литерным
В морозном густом пюре
По лезвенным рельсам Питера,
По шпалам его тире.

Пархатый учитель пения,
Зачем ты призвал свой стих
Акропольскими ступенями
Голгофу себе мостить?

Пугливый любитель пыжиться,
Какой из тебя герой?
Личинкой, жучком — но выжил бы
В провинции, под корой.

Увидел бы сам сквозь занавес
Пятнадцати лет ли, ста, —
Такая же точно мерзость здесь,
Такая же мерзлота.

ВАНДА

Простыни Ванды пахли
Ландышем и лавандой.
Волосы Ванды пахли
Влагою дождевой.
Если я вижу вёдра,
Я вспоминаю Ванду,
Особенно если вёдра
Полны до краёв водой.

У Ванды длинные ноги,
Кожа — как воск пчелиный.
Я ей достаю до мочки,
Когда она на каблуках.
Ванду лепили боги
Из самой упругой глины,
Жаркой беззвёздной ночью,
На самых тугих ветрах.

Ванда любила солнце
И длительные прогулки,
Ванда любила сдобу
И срезанные цветы.
Я покупал ей розы,
Я покупал ей булки,
Ванда смеялась: чтобы
Стала такой, как ты?

Ванда через полгода
Вышла за музыканта,
Жарит ему котлеты,
Он ей дудит на трубе.
А я, если вижу воду,
Всегда вспоминаю Ванду,
Особенно если эту
Воду несут в ведре.

ХРАНИТЕЛИ

для Ирины Иванченко

Под птичью переключку поездов,
Под шорох листьев, от жары провисших,
Хранители погибших городов
Уходят, оставляя в стенах ниши.

Над ними урожайный звёздный сад,
В тени дождей блестит, не просыхая.
Им на прощанье машет невпопад
Платком зари дорога грунтовая.

Они уходят в призрачную смоль
Проспектов, освещённых, но безлюдных.
Забрав с собою каменную соль,
И водостоков плачущие лютни.

Уходят из соборов божества,
Зияют в усыпальницах каверны.
И странно мне, что зренье большинства
Не видит нашей гибели и скверны.

Всё медленней по городу река
Течёт, вдоль берегов — дома нагие..
Как выжить без хранителей, пока
К нам не придут хранители другие?

НА РАССВЕТЕ

На рассвете в какой-то степени все мы
пророки, причастные к чудесам.
Птицы, опираясь крыльями о ступени
воздуха, поднимаются к небесам.
Схемы снов извилисты,
словно бег пса
по чужим следам.

Рассвет глядит исподлобья,
Глаза у него воловьи, пар из ноздрей.
Снов стада бредут просторней,
Быстрей.

На рассвете осенью ветер сыпет бисер, —
бесцельны скитания тысяч листьев
по бульжникам, по машинописным
шрифтам мостовой.

Звездолёт колокольни взлетает в зенит кипарисом,
приземляется заводскою трубой.

Лесопосадка дугой
огихает бетонный монолит
микрорайона.
«Пора, пора» — одна ворона
кричит другой.

На рассвете в какой-то степени стены
реальности не отделяют спящего от его сна,
и тому, кто смотрит, кажется, будто все мы —
рассыпанные семена.